

ИЗ ТУЛЫ СО СВОИМ ТЕАТРОМ

Нет, не перевелись все-таки еще романтики и идеалисты! И родом они — из детства.

Несколько дней в феврале на сцене Ленинградского дворца пионеров выступал никому не ведомый театральный коллектив из Тулы. В городе афиш не было, рекламы в прессе — никакой, и маленький уютный зал ТЮТа (Театра юного творчества) заполняли в основном ребята — «тютювцы» да те немно-

гие, кто заинтересовался гостями. Смотрели сказку Е. Шварца «Снежная королева», героическую комедию Э. Ростана «Сирано де Бержерак» и шекспировскую трагедию «Ромео и Джульетта».

Ни одна сцена нашего города такой «обоймы», столь необходимой для душевного здоровья детского и молодого зрителя, предложить сегодня не может. А туляки, так скромно и незаметно, сумели. Почему? Откуда взялись? Отчего именно сюда пожаловали — меня это заинтриговало. И отправилась я во Дворец на Фонтанке, где протекали лучшие дни и моего довоенного детства.

Оказалось — все правильно, они и должны были прехать только сюда. Потому что все мы — родом из детства. И для Александра Белова, ленинградского пятиклассника послевоенной поры, все началось с того, что мама отвела его в Дом учителя (бывший Юсуповский дворец), где театральным кружком руководил М. Дубровин. Он и стал его первым учителем, проводником в мир театра. За кулисами ТЮТа, в кабинете, где мы с А. Беловым разговаривали, висит под стеклом групповая фотография — мальчишки плотно окружают учителя; имена двоих теперь хорошо известны: режиссеры Лев Додин, Вениамин Фильштинский. Такая вот компания.

И еще один «источник» тульских гостей — Ленинградский тюз. Здесь А. Белов учился у Л. Макарьева, кончал студию вместе с ныне известными ленинградскими актерами Н. Ивановым, А. Хотинским. Тоже — «компания».

А проработал он всю жизнь в Туле драматическим актером. И вот ушел из «большого» театра и организовал свой, «маленький». Из любителей, своих учеников, с которыми возился уже много лет, постепенно возвращая столь дорогую ему по памяти собственной молодости атмосферу студийности, чистой увлеченности театром-храмом свободной души, способной воспарить над всеми тяготами жизни.

Это театр немного наивный и трогательный в своей юной истоности. Здесь рядом со взрослыми играют подростки, и девочки в длинных платьях

старательно изображают светских дам в королевском французском театре Пале-Рояль, вполне понашенски хихикая и перешептываясь. Зато Кей и Герда здесь — настоящие дети, а разбойники — искренне увлечены своими сказочными приключениями. Пьесы адаптированы, сокращены — вероятно, во всем объеме они для исполнителей и непосильны. Но главное, ради чего творятся спектакли, — во имя благородства и чистоты человеческих чувств. Отсюда и выбор репертуара, и горячая самоотдача безымянных (для ленинградского зрителя) молодых исполнителей. Одно имя я все-таки спросила — Сирано играл С. Степин, единственный пока в труппе, кто пытается, работая в этом театре, получить профессиональное образование. Его Сирано был своеобразен и по-своему привлекателен — коренастый, подвижный, хоть и без французского изящества, с повадками современного парня, хрипловатым голосом — он вдруг в последнем монологе по ассоциации напомнил мне, как В. Высоцкий пел свою «Охоту на волков». И в то же время на сцене играли ростановского «Сирано», не превращая его в очередной рок-подделку.

Вообще это — старомодный театр — без чернухи и без модерна, но, может быть, именно поэтому он и показался мне на фоне нашей страшноватой жизни островком света и добра.

И подумалось — хорошо, что есть в старинном городе Туле такой вот театрчик, именуемый «У Толстовской заставы». Что корни его уходят в ленинградскую культуру, еще дающую ростки и на другой почве. Что сегодня важно сохранить и поддерживать такие вот островки, куда может прибиться в житейской суете душа человеческая.

Татьяна МАРЧЕНКО,
доктор искусствоведения.

ЛЕНИНГРАД.